

© 2005 г.

Д.Д. БОГОЯВЛЕНСКИЙ
ВЫМИРАЮТ ЛИ НАРОДЫ СЕВЕРА?

БОГОЯВЛЕНСКИЙ Дмитрий Дмитриевич –

«Миф» о вымирании

Среди многочисленных народов России еще с 1920–х годов в особую группу обычно объединяются двадцать шесть так называемых «народов Севера». Эти народы характеризуются малочисленностью, особым типом традиционного хозяйства, полукочевым или кочевым образом жизни со своим характерным укладом.

Несмотря на небольшую численность (все вместе – в пределах России – 209 тысяч человек по переписи 2002 года), эти народы на протяжении веков заселяли и обживали огромные районы Севера Евразии и в настоящее время расселены от арктических тундр Таймыра на севере до предгорий Саян и широколиственных лесов Приморья на юге и от Кольского полуострова на западе до Чукотки на востоке. Область их обитания – около 7 миллионов квадратных километров – две пятых всей территории России, административно они входят в состав 16 краев, областей и республик, а также 7 автономных округов.

В массовом сознании населения СССР давно уже существовало представление о том, что так называемые «малочисленные народы Севера» находятся на грани исчезновения. Более того, такой прогноз висит над этими народами почти два столетия. Еще в XVII веке европоцентристская (а другой тогда не было) наука провозгласила неизбежное вымирание «диких народов» при столкновении с «белой цивилизацией». И хотя эти воззрения давно

канули в лету, но зловещее слово «вымирание» крепко пристало к малым народам Севера. Тем более, что на основе материалов о крайне высокой смертности, эпидемиях и голодовках, собранных по разным народам Севера в разные периоды их дореволюционной истории, можно было говорить о сокращении их численности, что как бы подтверждало вывод о «вымирании» этих народов.

Тезис о неминуемом вымирании народов Севера в царской России был прочно взят на вооружение после революции советскими обществоведами. От «вымирания», согласно общепринятой в то время исторической схеме, коренные северяне были якобы спасены революцией. При этом счастливой социалистической жизни советских северян обязательно противопоставлялась тяжелая и мрачная жизнь аборигенов зарубежного Севера. Как неоспоримое подтверждение счастья и расцвета обычно приводили численный рост народов советского Севера (забывая при этом сообщить о более быстром численном росте «несчастных» зарубежных северян), а обратные случаи объясняли ассимиляционными процессами. Количественный рост при этом считался неременным спутником прогресса.

Со второй половины 1980–х в СМИ и популярной литературе появились многочисленные заметки, где рассказывалось о реальной тяжелой и мрачной жизни российских народов Севера. Снова аборигенов Севера называли не иначе, как «вымирающими», но теперь в таком положении обвинялся уже советский режим. Интересно, что пик «обвиняющих» голосов пришелся как раз на самый успешный, с точки зрения роста численности, период в жизни коренных народов.

Хотя сегодня, судя по многочисленным свидетельствам, положение северян по сравнению с концом 1980–х изменилось не в лучшую сторону, но на фоне общероссийского кризиса слова о вымирании произносятся менее часто и не вызывают большого резонанса.

Так вымирают или нет?

Взглянем на показатели естественного движения народов Севера за последние два десятилетия (табл.1).

Безусловно, произошло сильное уменьшение естественного прироста за счет резкого снижения рождаемости и некоторого роста общего коэффициента смертности (рис.1). Но естественный прирост у народов Севера все же остался положительным. И, повторюсь, на фоне естественной убыли населения всей России и, в частности, русских, ситуация народов Севера порой рассматривается даже как «благоприятная».

Быстрое и непрекращающееся снижение рождаемости очевидно. Да и то, что общий коэффициент смертности не слишком отличается от общероссийского, совсем не свидетельствует о действительно равной смертности. Нужны более точные измерители, такие как ожидаемая продолжительность жизни, но вычислить их нельзя, пока не будут опубликованы подробные данные переписи населения 2002 г. Вряд ли продолжительность жизни у коренных северян оставалась стабильной последние 10–15 лет, в то время как во всей стране она сократилась с почти 70 лет в 1988 году до 64 в 1994 и 65 в 2001 г. Впрочем, даже в «хорошие»

Таблица 1

Естественное движение народов Севера России (на 1000 населения)

Периоды	Родившиеся живыми	Умершие	Естественный прирост	Младенческая смертность*
1984–1988	30,2	10,5	19,7	41,1
1989–1993	25,7	10,8	14,8	30,4

1994–1998	19,8	12,6	7,2	32,5
1999–2002	17,6	11,7	5,9	27,6

* на 1000 родившихся живыми

Источник: подсчеты автора по неопубликованным данным госстатистики (при подсчете коэффициентов использовалась расчетная численность населения на основе переписи 1989 г.).

1988–1989 годы у народов Севера она была равна 60 годам, на 10 лет меньше, чем по стране в целом. Для сравнения отметим, что в Гренландии в то время она составляла около 65 лет, а у коренных жителей Аляски около 69.

Могло бы немного радовать сокращение младенческой смертности в последние годы (рис.2). Но, несмотря на снижение, ее уровень остается выше, чем у всего населения России (при том, что во всей России младенческая смертность в разы выше, чем в развитых странах), чем у некоренного населения Крайнего Севера и чем у зарубежных коренных северян (около 16% в Гренландии в 1997–2001 г.г. и менее 7% у аборигенов

Аляски в 2000 г.).

В целом, ситуация со смертностью у народов Севера – как бы усиленное/ухудшенное отражение общероссийской. Самая большая проблема российской смертности – чрезмерно большое число смертей от повреждений (несчастных случаев, самоубийств, убийств) – намного острее стоит у коренных северян.

Доля смертей от повреждений у народов Севера Тюменской области составляла в 1998–2001 годах почти 37% всего числа смертей, в то время как в России в целом – 14%. А если сравнить с другими развитыми странами, то в достаточно северной и не слишком благополучной в этом отношении Финляндии – менее 8% (в те же годы), в США – 6% (1998), в других европейских странах и того меньше.

Рождаемость у народов Севера пока превышает смертность, в то время как у большинства населения России – наоборот. Правда, это касается не всех народов Севера. У саами число смертей превышает число рождений. Практически нет прироста у энцев, возможно, у орочей и ороков (ульта); минимальный естественный прирост у ительменов, негидальцев и селькупов. Но все же для большинства северных народов России в настоящее время наиболее остро стоит проблема сверхвысокой смертности.

Что показала последняя перепись населения?

Прямым ответом на этот вопрос могут служить итоговые данные о численности населения народов Севера по данным некоторых переписей населения за последнее столетие, включая и самую последнюю (табл.2). Приводимые данные относятся только к двадцати шести народам Севера, считавшимся таковыми в 1989 году¹.

Динамика в 1990–х годах оставалась такой же, как и в 1980–х. За все

время сокращения численности народов Севера в целом отмечалось только в 1939-1959 годах, хотя по отдельным народам иногда фиксировали уменьшения численности и в другие межпереписные периоды.

Однако к статистическим данным, в том числе данным переписи, следует относиться осторожно. На переписную численность населения этнических общностей влияют не только естественное движение, но еще и межэтнические процессы. При этом очень важно также учитывать и изменение определения национальности при переписи, и административные решения, да и просто неточности или ошибки. У малочисленных коренных северян даже небольшие ошибки, не заметные для более крупных народов, приводят к значительным флуктуациям в динамике численности.

Демографический и «недемографический» прирост

Если отвлечься от возможных ошибок, то, имея данные о естественном движении (и миграции) отдельных этнических общностей, можно рассчитывать их численность, подобно тому, как это делается для всего населения². А сравнивая такие оценочные расчеты и результаты переписи, можно говорить о степени влияния ассимиляционных/этнических процессов на численность того или иного народа. Разницу между естественным (демографическим) приростом и изменениями по переписи можно назвать «недемографической» убылью/приростом.

Судя по нашим исследованиям данных четырех переписей населения СССР (1959,1970,1979,1989 годов), численность населения народов Севера определялась во многом не только, и даже не столько их естественным движением (рождаемостью и смертностью), сколько ассимиляционными процессами. Народы Севера ассимилировались, главным образом, русскими,

¹ В 1990-х годах к числу коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока добавили несколько южносибирских народов.

² К численности по последней переписи прибавлять естественный (разность между числом родившихся и числом умерших) и миграционный (разность между числом приехавших и числом уехавших) прирост.

а в Якутии – якутами.

В 1960–е годы (1959–1969) «ассимиляционные потери» составляли около 12% естественного прироста народов Севера, в 1970–х годах (1970–1978) они составили около 70% сильно уменьшившегося естественного прироста, а в 1980–х (1979–1988) – снова около 12%. К тому же усиливалась и культурная, и физическая ассимиляция коренного населения Севера. Одним из показателей культурной ассимиляции может служить рост числа лиц, считающих русский язык родным (для эвенков и эвенов Якутии место русского языка занимает якутский). В 1959 г. только 15% коренных северян назвали русский язык родным, в 1970 г. – 23%, в 1979 г. – 29%, а в 1989 г. – уже 36%. Соответственно, уменьшается доля аборигенов Севера, называющих родным язык своего народа (с 76% в 1959 г. до 52% в 1989 г.). Что касается физической ассимиляции, достаточно сказать, что среди детей, родившихся у коренных матерей в 1984–2002 годах, почти половина была отцов другой национальности³; в первой половине 1970–х таких было чуть больше трети.

Казалось бы, если учесть эту тенденцию и уменьшившийся естественный прирост, численность народов Севера должна уменьшиться или вырасти незначительно, как показала в схожей ситуации 1970–х перепись 1979 г. Но, согласно переписи 2002 г., численность народов Севера увеличилась довольно заметно (табл. 2).

Видно, что в целом численность народов Севера выросла на полторы тысячи человек за счет «недемографических» причин, что составило около 6% всего прироста. Следуя вышеизложенной логике, можно предположить, что на сей раз ассимиляционные процессы поменяли знак, и теперь уже народы Севера ассимилируют другие народы. Возможно, большие

³ В том числе, правда, и другой коренной национальности.

метисированные группы населения не имеют жесткой этнической привязки и могут изменять ее в зависимости от различных обстоятельств.

Поскольку такой прирост наблюдался далеко не у всех народов Севера, и «недемографические» рост или убыль у них сильно разнятся, правильно разобраться с современной этнодемографической ситуацией у народов Севера можно, только рассматривая ее по каждому народу и по отдельным территориям расселения. Ведь объединив народы Севера в одну группу и оперируя этим термином, мы нередко забываем, что это очень разные народы.

Особо выделяются ханты и манси, суммарный недемографический прирост которых больше, чем по всем народам Севера в целом. Поскольку у этих народов в предыдущем тридцатилетии (от переписи 1959 до переписи 1989) была недемографическая убыль, можно предположить наличие больших групп метисного населения. В условиях, когда в Ханты–Мансийском округе на фоне нефтяного бума многое делается для материальной поддержки коренных народов, возможен рост национального самосознания и увеличение престижности коренной национальности. Возможна и простая экономическая заинтересованность.

Схожая ситуация и у российских саами, для которых катализатором подъема национального самосознания могли стать резко выросшие после падения железного занавеса контакты с их зарубежными соплеменниками. И в то же самое время у саами самая низкая среди народов Севера рождаемость и самый низкий естественный прирост, точнее наблюдается естественная убыль населения.

А вот «недемографический» рост селькупов так легко не объяснить. Несомненно, есть многочисленные метисные группы, но вызывает сомнение возможность роста самосознания у территориально и этнически

разрозненного народа.

Также трудно объяснить значительный численный рост ительменов; в качестве гипотезы, можно предположить смену этнической принадлежности у пограничных групп, ранее называвшихся коряками.

Весьма сомнительны и резкие изменения численности кетов. Возможно, это очередные ошибки при самой переписи или обработке ее результатов.

Огромная «убыль» нганасанов – в большей части прямое следствие того, что при переписи 1989 года их численность была завышена. Хотя, в меньшей степени, есть и реальная «демографическая» убыль.

Что касается эвенков, их «демографический» рост, по всей видимости, правдоподобно объясняется новой путаницей их с эвенками (учитывая, что их рост почти равен такой же убыли эвенков) или исправлением старой путаницы, а возможно, и тем, и другим.

Рост таких народов, как ульта (ороки) и энцы, может действительно быть «восстановлением национальности». И те, и другие до переписи 1989 переписывались как другие народы. С 1959 по 1979 годы всех сахалинских ороков/ульты официально считали орочами и переписывали как орочей, хотя, как знают этнографы, орочи на Сахалине не живут. Перепись 1989 года признала ороков отдельным народом. Однако, наряду с двумя сотнями ороков на Сахалине, тогда переписали и две сотни орочей. Видимо, в перепись 2002 они действительно «восстановили» свою этническую принадлежность, что объясняет и численный рост ороков, и большую численную убыль орочей.

Схожая ситуация у энцев. Во время всех переписей их считали частью ненцев, и только в переписи 1989 года – как отдельный народ. Увеличение их численности, невозможное, как и у ороков, с демографической точки зрения, надо полагать, отражает становление национального самосознания этого

народа.

А вот «недемографический» рост численности юкагиров – это тенденция, продолжающаяся, судя по данным переписей населения, более сорока лет.

У остальных народов Севера, как и при предыдущих переписях, наблюдается «недемографическая» убыль. «Убывающие» – почти все народы Северо–Востока – чукчи, коряки, чуванцы, эскимосы и алеуты.

В литературе, особенно не этнографической, часто встречается утверждение, что коренную национальность выбирают из–за государственных льгот для народов Севера. Отрицать этого полностью нельзя. Но, спросим непредвзято, а какую национальность должны выбирать дети коренных матерей, воспитанные в коренных семьях, живущие в северных поселках, зачастую даже не помнящие своего биологического некоренного отца? С другой стороны, льготы для коренных северян существовали почти весь советский период, а в их численности все–таки наблюдалась «недемографическая» убыль.

Если отвлечься от возможных ошибок, есть все основания полагать, что мы имеем дело с новыми тенденциями этнических процессов у **некоторых** коренных народов Севера. Ведь раньше никогда не наблюдалось «недемографического» роста сразу у столь многих коренных малочисленных народов Севера.

Заметим, что результаты переписей населения США показывают сходные процессы в «расовом» самоопределении американских индейцев. Ученые пришли к выводу, что 62% численного прироста индейцев в 1970–х и 35% – в 1980–х тоже были «недемографическими»⁴. Интересно, что с введением в американской переписи 2000 г. возможности фиксировать множественную/

⁴ K. Eshbach, K. Supple, C. Mathew Snipp. Changes in racial identification and the educational of American Indians, 1970–1990 //Demography. V. 35. No 1. February 1998. P. 35.

смешанную расовую принадлежность, на Аляске, кроме 98 тысяч коренных (в 1990 г. их было около 86 тыс.), еще более 20 тысяч человек отнесли себя к смешанной коренной/некоренной расе.

Итак, с демографической точки зрения вымирание народов Севера в XX столетии можно действительно считать «мифом». Вместе с тем, дальнейшее снижение рождаемости вполне может привести к их настоящей депопуляции. Причем их малочисленность делает их наиболее уязвимыми в этом отношении, а ведь перспектива исчезновения сейчас беспокоит и более многочисленные народы.

Подрисуночные подписи

Рис. 1. Естественное движение населения (народы Севера и России в целом) в 1988–2002 годах (на 1000 человек)

Рис. 2. Младенческая смертность в 1988–2002 годах на 1000 рожденных живыми